

РАССКАЗЫВАЮТ АМЕРИКАНСКИЕ ТАНКИСТЫ

**СЕРЖАНТ ЧАРЛЗ ВОНДЕР ЭМБСИ (CHARLES B. VONDER EMBSEE, 1918-1996)
РАССКАЗЫВАЕТ О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ТУНИСЕ**

Будучи взводным сержантом и командиром танкового экипажа в 1-й Танковой Дивизии, я участвовал в боях в северной Африке на протяжении почти пяти месяцев. Там имели первые крупномасштабные танковые сражения в истории нашей армии. Я мало что знаю о высоких стратегических материях этих сражений – вы можете прочесть об этом в газетах – но я знаю, как все это выглядело изнутри танка. Наша рота приняла участие во множестве самых разных боестолкновений. Мы дрались против французов на протяжении нескольких дней, пока они не разобрались со своими политическими намерениями, после чего присоединились к нам. Мы дрались против итальянцев. У нас были схватки с элитными танковыми дивизиями Гитлера: 10-й, 21-й и 26-й. Мы дрались, когда стояли холода, в снегу и под дождем, утопая в грязи, дрались в жару, песках и пыли, дрались в горах и сосновых лесах, в днищах сухих озер, в больших морских портах, в маленьких арабских деревнях и посреди римских развалин.

Мы допускали кое-какие ошибки. Бывало, нам доставалось. В один из малоприятных дней наша рота потеряла 9 машин из 18, вступивших в бой, еще до того, как мы поняли, что происходит. Но мы были хорошо обучены, и мы быстро учились воевать. Продвигаясь вперед, мы усовершенствовали приемы *Старого Профессора Роммеля*. Если говорить в целом, от нас врагу досталось больше, чем нам от него. У меня нет грандиозных героических историй, которые я мог бы рассказать. Четверо парней из нашего танка были обычным экипажем, который пролил много пота, излил много ругани и много шутил, преодолевая все выпавшие нам трудности.

Танк Стюарт/Stuart в Тунисе. Перед высадкой в Африке на них был нарисован флаг США (в то время с 48 звездами) в надежде на то, увидев его, французы не будут по ним стрелять...

И вот что имеет значение, когда ты танкист. У тебя есть доля секунды на то, чтобы увернуться от бронебойного снаряда 88-миллиметровки, или на то, чтобы успеть первым выстрелить в немецкий *Pz.IV*, когда он появляется из-за какого-нибудь бугра. Может быть, поэтому – ну и плюс к тому немного удачи – наша четверка прошла через всю кампанию

вплоть до того момента, когда я был ранен, в одном и том же танке. Само собой, иногда нам приходилось менять гусеницы и тратить много времени на техобслуживание. В моей машине было еще три парня:

Механиком-водителем был сержант Джек Колсон (Jack Colson) из Мидвэйла/Midvale, штат Айдахо, который в прошлом был ковбоем и водителем грузовика. Лучший парень из всех, кто когда-либо садился за рычаги управления. Он умел водить танк так, словно это был наполовину грузовик, наполовину *bronco* (*дикая или полудикая лошадь на Западе США – ВК*). Как говаривал наш полковник, он и в самом деле мог выпустить его на волю и дать ему пощипать травки. Он знал, куда я хотел направить его в тот мгновение, когда я решал это для себя. Нам едва ли были нужны какие-либо сигналы. Он спас мне жизнь не один раз. Его помощником был Джон Дилеуски (John Dylewski), типографский наборщик из Джерси/Jersey. Его родители были из Польши, и у него там все еще оставались родственники. Он слышал о том, как немцы обращаются с поляками, и у него был на них зуб. Если кто-то забывал, что нашей основной задачей было убивать немцев, Джон всегда напоминал об этом...

Нашим заряжающим был капрал Хэррисон Маккинни (Harrison McKinney). Совсем пацан, лет 18-19, мы звали *наш юный хиллибилли/hillbilly* (*деревенщина – ВК*). Однако он был парнем довольно сообразительным и весьма забавным. Когда остальные были в неважном расположении духа, он всегда знал, как поднять настроение какой-нибудь историей из Кентукки и сельской песенкой. Нашей машиной был легкий танк *M3 Stuart*. Нашей брони хватало, чтобы отражать пули и снаряды легких противотанковых пушек, но, если нам противостояла 75-миллиметровка или что-то потяжелее, дело было плохо. С другой стороны, он мог забраться туда, куда не мог пройти более тяжелый танк, и сделать это быстро. У нас были 37-мм пушка, два пулемета, зенитный пулемет, автоматы и пистолеты. Я дал нашей машине имя *Kalida*, оно было выведено краской на ее башне.

Как-то ночью мы заехали за передовую линию немцев, и они выстреливали в небо осветительные ракеты во всех направлениях, дело выглядело так, словно мы могли угодить к ним в руки. Мне было любопытно: если это случится, как немцы разберут, что значит *Kalida*. Это должно было быть для них загадкой, оно ничего для них не значило. Но для меня оно значило многое. Калида – это небольшой городок в штате Огайо с населением 500 человек, примерно в 20 милях к северу от Лимы/Lima. Мои дед и отец были сельскими кузнецами в тех краях. Я там родился, вырос на ферме рядом с этим городком, окончил среднюю школу, играл в бейсбольной команде. Там жила моя мать. Прекрасные фермерские угодья вокруг, лучше, чем все, что я видел за границей. Так что, думаю, это было отличное название.

Вечером 7 ноября мы были на борту транспортного судна, находившегося у берегов северной Африки. Мы прокрались через Гибралтарский пролив за пару ночей до этого под покровом темноты. Мы погрузились на него в Англии почти за три недели до этого и провели довольно много времени, делая круги в водах Атлантики, чтобы не дать противнику понять, куда мы направляемся. От этого мы сильно подустали.

Мы высадились в небольшой бухте примерно в 50 милях к западу от Орана. Наша рота должна была двигаться сначала на юг, потом на восток, а затем занять важный аэродром и удерживать его до прихода подкреплений. Далее мы должны были начать марш на север и атаковать Оран с юга. Итак, мы тронулись на юг. После наступления темноты мы получили приказ остановиться на ночлег. Мы построили наши танки в круг, пушками наружу. Это напомнило мне картинки лагерей [переселенцев] времен крытых фургонов. Такое строение могло стать хорошей целью для бомбардировщиков в дневное время, но ночью, в незнакомой местности, благодаря ему мы чувствовали себя в безопасности. Если бы самолеты налетели с осветительными бомбами или ракетами, мы смогли бы рассредоточиться в считанные секунды.

Мы спали прямо в танках, но один все время сидел в башне на часах. Ночью, в боевых условиях, мы всегда спали в машине. Сначала к этому было непросто привыкнуть. Места в нем так мало, что ты можешь сдвинуться всего на несколько дюймов в каком-либо

направлении, но потом ты ударялся о металлическую стенку, казенник пушки, ящик с боеприпасами или автомат. Но вскоре ты уже приспосабливаешься. Через несколько дней боев ты устаешь так, что броня кажется тебя периной. Засыпаешь в тесноте, в одной позе, потом поерзаешь немного и снова засыпаешь. Металл, из которого сделал танк, здорово охлаждается в ночное время, и этими африканскими ночами часто случались заморозки. Утром мы ели холодные консервы, запивали их водой и на рассвете трогались в путь. Вскоре, милях в 10 от нас, мы уже могли разглядеть столбы дыма, поднимающиеся над аэродромом, который был нашей первой целью. Позднее мы узнали, что по нему отбомбились самолеты с авианосца.

Мы захватили аэродром в тот же день. Особенного боя там не было. У французской пехоты, охранявшей аэродром, не было оружия, чтобы остановить наши машины, а пара наших истребителей танков, подошедших на помощь, помогла уничтожить полевое орудие, стоявшее в ангаре. Но и у нас было мало из того, чем мы могли бы удержать летное поле. Семь легких танков с горючим на исходе, два истребителя танков, каждый со всего лишь несколькими снарядами из боекомплекта. После полудня, как только мы занялись чисткой оружия, вокруг нас начали рваться 75-мм снаряды. Французы подтянули 8 пушек и повели по нам огонь со стороны деревни Валми/Valmi. Эти пушки находились от нас всего в паре тысяч ярдов. Наши истребители танков не могли вступить в бой им было необходимо сохранить то небольшое количество боеприпасов на тот случай, если на атакуют танки. По этой причине полковник бросил в атаку на эти восемь 75-миллиметровок пять наших легких танков. Дело предстояло горячее, но мы были настроены по-боевому. Мы рванулись вперед достаточно резко.

Однако, когда мы перевалили через холм и оказались всего в нескольких сотнях ярдов от 75-миллиметровок, они встретили нас залпом в упор. Их снаряды, которые вне всякого сомнения несли смертельную угрозу легким танкам, стали с воем проноситься совсем рядом с нами. Кроме того, по нам повели интенсивный огонь пулеметы и 20-мм пушки. Мы откатились назад, за этот самый холм, чтобы подумать о том, что делать дальше. От пребывания в раздумьях дела пошли еще хуже. Поскольку пушки вели огонь по летному полю, они приводили его в негодность. Наша миссия превратилась в пустышку. Пушки нужно было заставить замолчать. Мы решили атаковать еще раз на полной скорости, ведя непрерывный огонь из всех стволов. Этим мы рассчитывали внести сумятицу в действия французских артиллеристов и прижать их к земле.

К этому моменту становилось темно, и начинался дождь. Я сидел в башне *Калиды*, Джек Колсон – за рычагами. Картина, которую он видел через перископ, была расплывчатой, а я не разрешил ему открыть заслонку смотровой щели, потому что боялся, что поймает в нее пулеметную очередь. Так что он был ослеплен и мог маневрировать только благодаря тому, что я мог хлопать его по плечам своими ступнями. Я мог видеть, что происходит, через смотровую щель башни, или высунув голову из ее верхнего люка. В сумерках, под дождем, мы перевалили через холм в стиле старомодной и киношной кавалерийской атаки, разве что были быстрее. Трассы наших пулеметных очередей нацеливались на дульные вспышки 75-миллиметровок. Мы пересекли железнодорожное полотно на максимальной скорости и свалились – все пять машин – в широкий и глубокий ров. Для нас это едва не кончилось совсем плохо. Если бы наши танки не были классными машинами, они бы никогда не выбрались из этого рва. Джек Колсон самым мастерским образом быстро вывел из него *Калиду*. Выбравшись наверх, мы набросились на эти 75-миллиметровки как гончие псы. Мы были настолько близко от них, и действовали столь решительно, что они не успевали поворачивать стволы своих пушек достаточно быстро. Позднее мы обнаружили, что уничтожили семь пушек из восьми. Мы вернулись на аэродром, не потеряв ни одного танка, однако наша броня была иссечена пулями и снарядами 20-миллиметровок. В тот вечер мы почти полностью израсходовали топливо и боеприпасы. Однако мы нашли кое-какие запасы французского авиационного горючего и заправились им. Около четырех утра до нас добрались первые грузовики с боеприпасами. Как мы им обрадовались... В ту ночь мы снова спали в своих машинах.

Наутро мы присоединились к другим американским частям, продвигавшимся к Орану. Особенных боев не было: сопротивление французов почти полностью рухнуло. Вскоре

после того, как мы въехали в южную часть города, большая часть гарнизона, представленная Французским Иностранным Легионом, капитулировала. Мы посадили их старшего офицера на броню одного из наших танков, чтобы он показывал нам дорогу, и направились к *Гранд Отелю*, чтобы взять в плен находившуюся в нем группу немецких и итальянских офицеров. Большая часть местных встречала нас как освободителей и угощала нас мандаринами и вином. Мы к тому времени не ели мандаринов или апельсинов уже семь месяцев, с тех пор как прибыли на Британские острова, и вкус у них был восхитительным. По дороге к отелю снайпер выстрелил из окна одного из зданий по танку, который был машины на четыре впереди меня. Он ранил француза, который передавал мандарин парню, стоявшему в башне. Наводчик следующего танка немедленно поднял свою 37-миллиметровку и вынес снайпера из окна. Почти одновременно с этим один из истребителей танков произвел выстрел из своей тяжелой пушки и практически разнес в пух и прах угол здания. В тот день мы были заняты патрулированием улиц. Я наткнулся на сержанта *Иностранного Легиона*, который был из Колумбуса/Columbus, штат Огайо. Он прослужил к тому времени в *Легионе* уже пятнадцать лет. Определенно, он был рад видеть нас и оказал нам всестороннюю помощь. Ему пришлось покинуть нас, чтобы какое-то время побыть переводчиком, еще до того, как я узнал, почему он покинул Колумбус и как оказался в этих местах.

На следующий день французы подписали перемирие, и начались большие торжества. Нас перебросили миль на 50 на восток, где мы установили под дождем палатки на склоне холма и провели там 10 дней, обучая французских офицеров и подофицеров использованию и техобслуживанию американских танков. Вчера мы стреляли друг в друга, сегодня мы были друзьями... Они были хорошими парнями и быстро учились. Я всегда испытывал проблемы в северной Африке из-за того, что не знал ни одного иностранного языка: французский или даже итальянский или испанский могли бы пригодиться.

Через пару недель мы переместились на примерно 500 миль вплотную к линии соприкосновения с немецко-итальянскими войсками. Мы проделали этот путь на французском грузовом поезде, состоявшем из платформ для техники и вагонов типа *40 hommes, 8 chevaux/40 человек, 8 лошадей* для личного состава. Заняло у нас это неделю – меньше чем 100 миль в день – настолько забавным было то, как французы управляют со своими железными дорогами.

На передовой мы впервые были атакованы пикирующими бомбардировщиками. Когда эти *Штуки* пикируют, их сирены воют как какие-то дикие животные, разрывы бомб оглушают вас и встряхивают землю, их пулеметы строчат по земле всюду и везде неподалеку от вас, и первые пару раз это просто раздирает душу. Потом ты понимаешь, что танку от этого никакого вреда, если только бомба не попадает прямо него, что случалось крайне редко. Ты учишься залезать на танк со своим зенитным пулеметом, учишься держать самолеты на высоте и мешать им целиться, даже если тебе не удастся сбить ни одного из них. Ты всегда чувствуешь себя лучше, когда даешь им отпор. Дошло до того, что мы уже не воспринимали атаки пикировщиков так же негативно, как хорошо скорректированный артиллерийский огонь противника. Когда снаряды начинают *искать* тебя где-то неподалеку, ты и в самом деле хочешь убраться куда-нибудь восвояси. Ну, так и поступаешь, если нахождение в этой точке не является критически важным.

Мы обороняли одну из гряд, и нас контратаковали парни Роммеля. Наши танки и пехота хорошо зарылись в землю. Немцы начали с одного из самых сильных артобстрелов, через которые я когда-либо прошел. Он продолжался до тех пор, пока мы не почувствовали, что больше не в состоянии выдерживать все это и вот-вот посыпемся. Был момент затишья между разрывами, и мы услышали, как один из парней, сидевших я стрелковой ячейке, поет заунывную песенку:

Вот когда тебя зацепит

Ты и начинай вопить,

Нет, ну ей-богу!

Все начали хохотать, и напряжение спало. После это мы пришли в себя. Когда немцы атаковали, мы остановили их и заставили откатиться назад...

Наши первые серьезные стычки с немцами начались в конце декабря. К этому времени немцы отразили наши первые атаки в направлении Бизерты и Туниса. Они перебросили через Сицилийский пролив намного больше людей и техники, чем могли перебросить мы по морским путям длиной в тысячи миль. Американцы, британцы и французы оказались под куда более сильным давлением, чем могли себе это представить люди, оставшиеся дома.

Французы, не имевшие танков и современного оружия, удерживали сектор фронта в районе перевала Пон-дю-Фа. Предполагалось, что у немцев здесь танков нет, но их бронемашин беспокоили французов. Нам сказали, что мы будем *рождественским подарком для французов и поможем им справиться с бронемашинами*. Но вышло все совсем не так. Планировалось, что мы присоединимся к французам в ходе их атаки, которая зачистит местность от вражеских бронемашин и приведет к захвату выгодных позиций близ Пон-дю-Фа. К тому времени дожди шли уже несколько дней, и стоило тебе съехать с дороги, как ты оказывался в такой грязи, что ее было слишком много даже для наших легких машин.

Первый день наступления, казалось, складывался хорошо. Наши танки продвинулись по дорогам, преодолели кое-какое слабое сопротивление немцев и вышли на намеченный рубеж. Из-за какой-то ошибки французская пехота не прибыла на место, чтобы закрепиться на этой линии, и наши танки пришлось отвести. На следующий день мы попробовали сделать это еще раз и натолкнулись не на бронемашин, а на танки *Pz.IV*. Немцы пошли в контратаку, и пошли большими силами. Я смотрел на них в свой бинокль и сумел разглядеть с десятков этих больших машин, при этом некоторые из них тащили за собой длинноствольные пушки – наводившие ужас 88-миллиметровки... Мы могли отступить, но дать немцам в тот день продвинуться вперед до того, как подойдут наши силы, способные противостоять им, было бы серьезной уступкой. Мы получили приказ держаться, и мы это сделали. Однако мы попали под страшный шквал огня. Мы маневрировали, постреливали по немцам из наших 37-миллиметровок, но время от времени тяжелые снаряды их танковых пушек или 88-миллиметровок попадали в наши машины и разносили их вдребезги. Раненые выползали из них, и те, кто мог идти, несли на себе или тащили за собой тех, кто не мог двигаться. Под таким огнем подойти поближе санитарные машины не могли. После полудня, когда наконец мы получили приказ на отход, у нас осталось 9 из 18 танков, да и некоторые из оставшихся были повреждены. Мы забрали с собой тех раненых, которых могли увезти, и держали их на руках... Это был черный день. Наш подполковник, он был из штата Джорджия, - один из лучших офицеров и парней на свете - был убит разрывом немецкого снаряда...

Позднее, вечером этого дня, мы услышали о том, что на поле боя осталась еще пара наших раненых. Один из лейтенантов привел одного из них. Потом сержант Джимми Уэйлен (Jimmy Whalen) из Гранд Рапидс (штат Мичиган), рядовой Фред Портер из Техаса и я вернулись на поле боя за другим парнем, отличным малым по фамилии Чэпмэн (Charman). Мы проскользнули настолько далеко, насколько могли, на своем танке, потом протоптали пару сотен ярдов по грязи туда, где должен был быть Чэпмэн. Немцы, как можно было заключить из того, как они повели пулеметный огонь, должно быть, подумали, что начинается контратака. Мы нашли Чэпмэна с тяжелой раной на ноге. Я сделал ему укол морфия ... , и он почувствовал себя лучше. Мы не могли нести его на себе, потому что все, что было выше двух футов над землей, попало бы под пулеметный огонь. Нам пришлось двигаться ползком и волочить его по земле. Когда мы вернулись к танку, он был слишком плох, чтобы затаскивать его в башню. Мы завернули его в наши одеяла и положили на корму танка. Потом так плавно, как только было возможно, мы повели нашу старую добрую *Калиду* назад, в безопасное место и на перевязочный пункт.

Нас отвели за Меджез-эль-Баб/Medjez-el-Bab, и мы встали лагерем, чтобы перегруппироваться и пополнить припасы. Наш лагерь был самым лучшим образом

упрятан между деревьями. Немцы бомбили лагерь на другой стороне холма каждый день, но нас так и не разглядели.

В течение следующих недель наша танковая дивизия была занята тем, что поддерживала сектор обороны протяженностью около 150 миль. Люди, техника и помощь были в пути по морю и по воздуху, но они все еще были далеко. Нам приходилось обходиться тем, что было под рукой. Мы затыкали брешь в обороне в одном месте, осуществляли быстрый рейд еще куду-то, совершали отвлекающие маневры по всему сектору. Если бы немцы знали об этом, они бы прорвались еще в январе.

Полагаю, мы перемещались столь часто и вступали в стычки во стольких местах, что могло показаться, у нас в два раза больше танков, чем на самом деле. Припоминаю, что однажды мы на нашей *Калиде* были на марше без остановок 48 часов. Мы ели на ходу, садились за рычаги по очереди и спали по очереди. За это время мы не сделали ни одного выстрела, если не считать огня по пикирующим бомбардировщикам. Надеюсь, этот марш сбил немцев с толку так же, как и нас – мы так и не поняли, в чем была задумка [командования]. Были эпизоды, когда, укрываясь в лесах или оливковых рощах, мы занимали передовые посты в течение нескольких дней, не двигаясь с места – мы просто вели наблюдение и находились в ожидании. Пока ты не окажешься на фронте даже посреди такой динамичной кампании, как Тунисская, ты не представляешь себе, как много времени приходится проводить, сидя на одном месте...

Наша четверка к этому времени научилась многому. Одним из важнейших навыков было умение приготовить горячую пищу и кофе при любых обстоятельствах. У нас все еще были *С-рационы*, но мы научились ставить консервные банки на решетку над выхлопной трубой и разогревать их. Мы так же кипятили в котелках воду, размешивали в ней концентрированный кофе, добавляли немного консервированного молока и получали кружку превосходной *Явы/Java* (жаргонное выражение для чашки кофе – ВК). Будьте уверены, это полностью меняло настроение холодной ночью или утром. Свежего молока у нас не было. Коровы в Тунисе худющие, не то что у нас в Огайо, а молоко может быть опасным. Первый стакан настоящего коровьего молока я выпил, когда в июне оказался в госпитале *Halloran* в Нью-Йорке, и это было классно! Мы добывали себе хорошие, свежие куриные яйца – покупали их у арабов. Первоначальная цена была четыре сигареты за яйцо, позднее – две пачки сигарет за яйцо. Яйца мы кипятили в наших касках. Мы также использовали каски в качестве раковины для помывки. Так-то помыться по-нормальному мы не могли несколько месяцев, пока нам не подвернулся душ в Тебессе/*Tebessa*. Однако я припоминаю один день в горах, когда мы наткнулись на чудесный ручеек, который питали водой тающие снега, лежавшие выше по склонам. Вода в нем была адски холодной и исключительно чистой. Мы вывалились из нашей *Калиды* и выглядели как кучка бородатых бродяг. Через минуту мы плескались в этой ледяной воде и верещали как дети... Я помню день, когда с хорошей пехотной и артиллерийской поддержкой мы въехали на холм и смяли позиции итальянцев. Они драпанули с такой скоростью, что над мисками со спагетти на столах еще струился пар. Там нам достался красивый, отделанный серебром аккордеон, и один из наших парней знал, как на нем играть...

Был еще денек, когда мы сидели в нашем танке на холме близ Сбейтлы/*Sbeitla*, дело было в начале большого немецкого наступления, в результате которого они прорвались через Кассеринский перевал. Это была парадная ложа, из которой можно было наблюдать за грандиозным танковым сражением, развернувшимся на участке местности размером в несколько миль. Наши средние танки подбили множество немецких, но и сами понесли тяжелые потери, и немцы превосходили нас в огневой мощи. Когда наступила ночь, поле боя выглядело как самое большое шоу из фейерверков в мире. Множество наших танков было объято пламенем, и нас охватывала дрожь, когда мы думали о тех парнях, которые оказались внутри них. Танкист больше всего боится того, что его машина загорится, а он будет слишком сильно ранен, чтобы вовремя выбраться наружу... Теперь наши люди и танки откатывались назад по дороге, проходившей прямо под нами. Страшно смотреть на то, как отступают свои. От этого ты чувствуешь себя физически отвратительно. Но не беда – потом мы отбили свои позиции, и еще с прихватом.

Стюарт, уничтоженный под Кассерином...

Позднее мы были отведены от Сбейтлы и заняли позиции посреди каких-то развалин Римской эпохи. Это было место, вроде как овеянное романтикой, но так казалось, пока на нас не начали падать снаряды. В танке, стоявшем рядом с моим, был паренек по фамилии Боуэрли (Bauerle), который понимал по-немецки. Его рация была настроена на частоту, принятую у немцев, и он прослушивал их переговоры. Немцы были в хорошем расположении духа. Один из них сказал: «Мы собираемся подарить вам сегодня кучу сувениров.» (Он имел в виду нас.) Но, когда они прошли через Сбейтлу, наши танки и пушки открыли по ним такой шквал огня, что они откатились на какое-то время, а наша неорганизованная группа отступила дальше в полной безопасности.

У нас на каждом танке была рация. Когда было тихо, мы могли прослушивать станции из Англии, Франции, Испании и Италии. На немецкой радиостанции в Тунисе была деваха по имени Сэлли, которая говорила с настоящим американским акцентом. Она начинала так: «Привет, детишки.» Потом говорила: «Что вы делаете здесь, в Африке? Не беспокойтесь, когда-нибудь вы вернетесь домой. Двое или трое из вас ... Ну а как насчет хорошего американского *джайва*?» И тут она заводила классные старенькие американские пластинки. Мы ржали над ее пропагандой и наслаждались американской музыкой. Я часто думал о том, что случилось с *Сэлли*, когда союзники стремительно ворвались в Тунис в мае.

Вообще, рация - это отличная штука для управления танковым боем, но она таит в себе и опасности. Противник, который находится в милях от тебя, прослушивает твои переговоры. Если ты оставишь ее в режиме передачи, то можешь случайно сказать что-нибудь лишнее. Или же можешь получить какое-нибудь указание от немцев. Как-то раз, когда мы продвигались вперед, я услышал, как наш капитан сказал: «Шэфер, смотри в оба. Там дальше по дороге могут быть немецкие танки.» Через минуту я услышал голос с почти неуловимым немецким акцентом: «ОК, Шэфер. Сейчас все в порядке. Здесь все чисто. Можешь продвигаться дальше по этой дороге.» Шэфер не купился на это, но чувства у нас были смешанные.

Был поздний март, когда столкновение с немецким танком доставило мне максимальное удовлетворение. После поражения под Кассерином дела у нас пошли совсем неплохо. Мы пробились назад через Кассеринский перевал, прошли через Фериану, Гафсу и Макнасси. Мы так плотно надавили на фланг Роммеля, что ему пришлось бросить в бой против нас свои танковые резервы, которые могли бы ему понадобиться для удержания *Линии Марет*. Мы заняли превосходную позицию на одной из гряд. В нескольких сотнях ярдов от нас, на другой стороне долины, находился холм с обрывистыми склонами. Немецким танкам было необходимо обогнуть отрог этого холма, чтобы атаковать нас. Мы следили за ними, как кот следит за крысиной норой. Немецкий *Pz.IV* начал огибать этот выступ. В тот момент, когда он был полностью в поле зрения, я вцепился в него снарядом моей 37-миллиметровки. Он не

остановил танк, который выстрелил меня из своей 77-мм пушки. К этому моменту Джек Колсон молниеносно откатился назад ярдов на 50. Немецкий снаряд упал точно туда, где мы только что находились. Все повторилось еще раз, и теперь он подъехал туда, где я хотел его видеть: он был в пределах досягаемости огня одного из наших истребителей танков *M10* с его новой мощной пушкой с высокой начальной скоростью снаряда и с лучшим наводчиком на всю армию. «Дай ему!» - заорал я, и эта тяжелая пушка открыла огонь. Первый же снаряд пробил в этом *Pz.IV* такую дыру, в которую я смог бы пролезть без труда. Какой стрелок! Как бы я хотел иметь его и его *M10* под рукой в некоторых из наших прошлых стычек, особенно тогда, в тот черный день под Пон-дю-Фа. Я даже не помню его имени, но он был чудо, а не парень. Вы не поверите, но как-то раз я видел, как он попал в немецкий грузовик с расстояния 8 500 ярдов с первого выстрела. В другой раз он попал в немецкую 88-миллиметровку примерно с 600 ярдов со второго выстрела, при этом ее ствол взлетел в воздух, а разнес он ее с третьего выстрела...

Что ж, не так много и осталось из того, что я мог бы вам рассказать. Несколько дней спустя я стоял в башне моей *Калиды*, ведя огонь из зенитного пулемета по пикирующим бомбардировщикам, когда вражеская пуля попал мне в левое запястье. Она прошла через мои наручные часы и разбила кость. Легкая рана, и в самом деле, но рука перестала работать на довольно долгое время. Над моей раной работали лучшие в мире хирурги, и, я думаю, последняя операция почти восстановила функции руки и кисти... А тогда мои друзья Колсон, Дилеуски и Маккинни вкололи мне морфий и перевязали рану, я пошел на своих двоих назад, где сел в санитарную машину, где уже были другие парни. Колсон принял командование танком, и они покатали дальше.

Меня отправили за тысячу миль в тыл, в Касабланку, добирался я на санитарной машине, на самолете и на госпитальном поезде. В Касабланке в одну из ночей, в начале мая, я и еще несколько парней все еще не спали. Дело было после полуночи, мы сидели и трепались. Подошла медсестра и прошептала: «Американцы взяли Бизерту.» Мы завопили от радости. Через минуту весь госпиталь был разбужен, все орали и верещали.

Это был счастливейший момент в моей жизни, пока я не вернулся в Штаты и не позвонил моей матери в Калиду, чтобы сказать ей о моем ранении. Она едва могла что-либо сказать, как и я...

https://wp.oldmagazinearticles.com/magazine-articles/world-war-two/north_africa/tank-warfare-in-north-africa/

СТИВ КРИСКО (STEVE KRYSKO) ИЗ 712-ГО ТАНКОВОГО БАТАЛЬОНА РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЙНЕ В ЕВРОПЕ

Я был одним из последних трёх призывников, чьи имена внесли в первоначальный список Роты А. После почти двухдневной поездки на поезде из Бриджпорта/Bridgeport, штат Коннектикут, мы прибыли в Форт Беннинг/Fort Benning, штат Джорджия, дождливой ночью за несколько дней до Рождества 1942 года. Нас бегом перегнали от поезда к грузовикам, доставили в лагерь, построили между казармами и заставили стоять под дождём, пока офицер произносил приветственную речь. Затем начали выкрикивать имена, распределяя нас по различным ротам. Меня и ещё двоих — Айседора Маккарти (Isador McCarthy) и Эда Пилца (Ed Pilz) отправили в одну из казарм Роты А. Было около 11 часов вечера. Когда мы вошли, включили свет, и любопытные приподнялись на койках, чтобы посмотреть, в чём дело. Кто-то спросил: «Откуда вы?» Маккарти ничего не сказал. Пилц ответил, что он из Род-Айленда, а я пробормотал: «Пенсильвания.» Раздалось несколько одобрительных возгласов. Я спросил: «Что это вообще за часть?» Когда мне сказали, что это танковая рота, я переспросил: «А это что такое?» Это было совсем не то, чего я ожидал. Я предполагал, что распределение будет определяться моими призывными документами и меня направят на канцелярскую работу, а не на что-то, связанное с техникой. Нам троим

указали, где мы будем спать в ту ночь: три раскладушки, стоявшие между двумя рядами кроватей — примерно по десять в каждом.

Позже, уже в бою, я узнал, что бывают времена, когда даже еженедельное мытьё — не говоря уже о ежедневном душе — становится редкой роскошью. Эта душевая была еще и общей уборной: тут были умывальники, писсуары, унитазы и души, без каких-либо перегородок. Принимая душ, я гадал, что меня ждёт впереди и что, чёрт возьми, вообще делают в танковой роте?

На следующий день я впервые увидел танк — внушительную, чудовищную грудку металла; машину, которую позже, в бою, я окрестил «передвижным гробом». Я стал привыкать к образу жизни танкиста — особому социальному укладу, о существовании которого я даже и не подозревал. Большая часть роты состояла из призывников, костяк наших сержантов-инструкторов был набран из бывших кавалеристов, которые, как и их подопечные, происходили из разных штатов и отличались самыми разными характерами. Сержанты, которые в первую очередь запомнились мне в начале этой странной, новой жизни, были следующими: Джул Браатц (Jule Braatz) — грубая, суровая внешность и доброе сердце. Боб Хэгerti (Bob Hagerty) — высокий, худощавый, тихий, явно образованный человек. Его приятель Морс Джонсон (Mors Johnson) тоже был высоким, стройным и образованным, но, в отличие от Хэгerti, очень разговорчивым. Он никогда не лез за словом в карман, и, не попади он в армии, я уверен, Джонсон стал бы чертовски хорошим политиком. Был ещё Рубен Голдстин (Ruben Goldstein) — несмотря на то что ему было чуть за двадцать, он был для словно отец: он всегда находил время выслушать проблемы и дать совет. Был еще крепкий малый - Джордж Басселл (George Bussell) — первоклассный танковый механик с неизменной улыбкой. Он был весельчаком и шутником, чьё поведение больше напоминало поведение новобранца, чем подофицера.

И, наконец, Чарльз Фаулер (Charles Fowler). Он не только обладал образцовыми физическими данными, но и был воплощением «армейских правил и уставов» — в походке, речи, поступках и униформе. Фаулер был олицетворением солдата с плаката «Ты Нужен Дяде Сэму!/Uncle Sam Wants You!» — образцовым профессиональным военным. Сержант Фаулер невзлюбил меня. Я был его полной противоположностью — самоуверенный, в какой-то мере неисправимый новичок, ещё не приученный к военной дисциплине и подчинению, к которым должна была приучить базовая подготовка. Неудивительно: моя жизнь до армии была скорее богемной. Если кратко: в 17 лет, окончив школу, я покинул свой родной Скрэнтон/Scranton, где и так был беззаботным парнем, и пару лет болтался по Нью-Йорку. Я перебивался случайными и небольшими заработками, ночевал на станциях метро и в автобусных депо, когда не было денег, и набирался «уличной смекалки» — настолько продвинутой, насколько могла быть она у подростка начала 1940-х годов, что, впрочем, бледнеет по сравнению с нравами нынешней молодёжи.

Бриджпорт стал быстро растущим промышленным центром по производству военной техники, и потому в середине 1941 года я сложил свои скудные пожитки в хозяйственную сумку и отправился в этот рай для рабочего класса. В кармане у меня был адрес моего школьного друга Джерри, работавшего на оружейном заводе. Ранее он писал мне о Бриджпорте как о городе, стены домов которого сплошняком обклеены объявлениями о приёме на работу. Я поселился у Джерри, деля с ним две съёмные комнаты вместе с ещё двумя мужчинами и одной женщиной. Работы было хоть отбавляй; жильё же найти было почти невозможно за любые деньги. Мне повезло: меня взяли контролером качества деталей самолёта *Korcap/Corsair* в отделе отгрузки компании *Chance-Vought-Sikorsky* исключительно потому, что я сказал на собеседовании, что умею читать чертежи. Это была лишь полуправда, основанная на том, что в школе у меня был курс черчения.

К 1942 году я зарабатывал более 150 долларов в неделю — в десять раз больше, чем работая официантом в Нью-Йорке. Я был на седьмом небе от счастья, пока не пришло время призываться. Армейская жизнь стала для меня горькой пилюлей после того, как я привык жить на широкую ногу. При любой возможности Фаулер — всегда строго в рамках

своих сержантских полномочий — назначал мне дополнительные наряды; обычно по субботам, чтобы лишить меня увольнительной в город. Мне приходилось трудиться на кухне и заниматься уборкой территории вокруг казарм Роты А и парка техники. Вопреки тому, что подразумевается словом *policing*, *наведение порядка* на территории означало сбор бумажного мусора и окурков. Последние требовали так называемой *полевой разделки* — идиотского занятия, заключавшегося в том, чтобы разорвать бумагу, вытряхнуть табак на ветер и скатать бумагу в тугой комочек перед тем, как выбросить его куда положено.

Когда мы были на манёврах, меня назначали копать уборные, работать на полевой кухне и *наводить порядок* на участке. В один жаркий день, после полудня, я оказался в группе танкистов, которых должны были на грузовике отвезти к ближайшему ручью на двухчасовой отдых и купание. Грузовик ещё не выехал с площадки, когда я увидел, что кто-то разговаривает с Фаулером. «Криско! Где Криско?!» — заорал Фаулер, прекрасно зная, что я сижу в кузове грузовика. Он сообщил мне, что я назначен связным батальона от роты и должен явиться в штаб батальона в шесть часов вечера. Недели начальной подготовки приучили меня молча подчиняться приказам, но уличный мальчишка, всё ещё живший во мне, беззвучно выкрикнул: «Пошёл ты на ... , Фаулер!» Я ушёл за поворот ручья, обдумывая, как бы мне отвертеться от роли батальонного вестового. Ответ я нашёл в старой жестяной банке. Я открутил крышку, при помощи камня придав ей форму грубого наконечника стрелы; затем сел на берег, положил правую ногу на левое колено — и бац! — вогнал этот «наконечник» в подошву своей ступни. Чёрт! Кожа на подошвах ног оказалась очень прочной! Чтобы сделать порез, выглядящий хоть сколько-нибудь убедительно, мне пришлось бить сильнее и ещё пару раз. По дороге обратно в лагерь Роты А я попросил водителя высадить меня у медпункта. По мнению санитара, рана требовала лишь наклейки из пластыря, но я лично считал, «опасаясь инфекции», что она нуждалась в перевязке. Я, прихрамывая, добрался до расположения роты около 06.45, взял свой котелок и направился к полевой кухне — хотя она, вероятно, уже была закрыта — в надежде раздобыть что-нибудь поесть.

«Криско! - Резкий голос Фаулера резанул по ушам. - Ты должен был явиться в штаб батальона в шесть... Мне пришлось послать вместо тебя Кочина (Kochin) ... Марш туда и смени его». Прежде чем я успел что-то сказать, раздался другой голос, и, обернувшись, я увидел лейтенанта, который подошёл и спросил Фаулера, в чём дело. Застигнутый врасплох, Фаулер замешкался, и пауза оказалась достаточно долгой для того, чтобы я успел воспользоваться случаем и в жалобной форме доложить лейтенанту о случившемся со мной, добавив, что я ещё даже не ел. Назидательные слова лейтенанта ошеломили Фаулера - тот сказал ему, что он должен был знать: солдата с травмой ноги нельзя назначать вестовым. *Мистер Сержант* допустил оплошность. О-о! Я сразу понял, что появление темного пятна на безупречной служебной репутации Фаулера будет более чем достаточной причиной для того, внести моё имя в первую десятку его «чёрного списка». Впредь мне следовало быть осторожным и не задевать его лишний раз.

И всё же, как бы я ни был осторожен, существовали силы, неподвластные мне. Вскоре после нашего возвращения в казармы Фаулер велел мне явиться в штаб батальона. Причины он не назвал, и мне показалось, что, сказав это, он едва заметно улыбнулся, но я списал это на игру воображения. Когда я прибыл в штаб батальона, там уже находились около двух десятков человек из других рот. Мы с тревогой ждали объяснения причины этого странного сбора. В комнату вошёл офицер и дал нам ответ. Вот это да! Именно тогда, что называется, *дёрмо попало на вентилятор*. Оказалось, нас собираются отправить за океан для участия в Североафриканской кампании! Нам приказали не покидать лагерь до дальнейших распоряжений и пройти медицинский осмотр. Как ни странно, я успел привязаться к своим сослуживцам и предпочёл бы отправиться за границу именно в составе Роты А. По дороге к медпункту я перебирал в уме возможные физические недуги, которые мог бы «обнаружить» у себя на осмотре. Не повезло — меня признали физически годным к боевой службе. Уже на выходе из медпункта мысль о симуляции инвалидности снова пришла мне в голову. Шанс был ничтожным, но попытаться стоило. Вся затея держалась на доверчивости другого человека. Я вернулся в комнату для инструктажа —

офицер всё ещё был там. С растерянным видом я произнёс что-то вроде: — «Сэр, я рядовой Стивен Криско. Моё имя следует вычеркнуть из списка... Я только что от врачей, и доктор сказал, что я не могу ехать за границу, потому что у меня... э-э... паховая грыжа». Без комментариев лейтенант пролистал стопку папок, вынул одну, сделал в ней отметку и велел мне вернуться в свою роту. Вместо этого я снова пошёл в медицинский пункт и сказал клерку, ведущему учёт, что моё имя вычеркнули из списка. ... Офицер в комнате инструктажа позвал меня обратно и сказал что-то о том, что людей оказалось на одного больше и одного нужно исключить. ... Этим одним оказался я. Клерк вынул мою медицинскую карту из общей стопки и просто сказал: «Готово». Я вернулся в казарму. Оставалось только ждать и смотреть, не обернётся ли моя хитрость против меня.

Той ночью, после отбоя, в казарму вошёл батальонный вестовой и крикнул: «Криско здесь есть?» Я не ответил. ... Я не хотел отвечать. Он крикнул снова, и Фред Хостлер (Fred Hostler), парень на койке рядом со мной, заорал, чтобы я просыпался. Я дал знать, что я здесь, и «голос судьбы» сообщил мне, что меня ждут в штабе батальона. Я медленно натянул полевую форму и поплёлся к штабу. Я придумал пару объяснений, но это были очевидные, голые до неприличия враки. Мне оставалось лишь смириться с тем, что на меня либо обрушат всю строгость устава, либо, что ещё хуже, снова внесут моё имя в список. Когда я вошёл в штаб, там царил настоящее столпотворение: ротные писари носились, заполняя необходимые бумаги для отправки в северную Африку. Боб Хэррис (Bob Harris), наш ротный писарь, заметил меня и, перекрывая шум, крикнул, чтобы я шёл обратно спать. Он сказал: «Я думал, ты не подписал страховой полис на десять тысяч долларов, но мне только что сообщили, что ты никуда не едешь». Я не сказал ни слова, развернулся и почти вылетел из штаба, чтобы оказаться на свежем воздухе — чтобы просто дышать!

В середине февраля 1943 года по «солдатской почте» ходили слухи, что батальон собираются отправить за океан. Также считалось, что я не поеду из-за своей «грыжи». Когда меня спрашивали, почему я не иду на операцию, я говорил, что боюсь «умереть на операционном столе, как это случилось с моей тётей», и говорил, что мне придётся научиться жить с болью. Слухи стали фактом, и нам приказали собираться и быть готовыми к отправке через день-два. К почти всеобщему удивлению, я прошёл медицинский осмотр. Я говорю «почти всеобщему», потому что нашлись и скептики, которые не поверили моей истории о том, что «грыжа прошла».

На борту судна *HMS Exchequer* нас доставили в один из портов Шотландии, а затем поездом перевезли на юго-восток Англии. Рота А временно разместилась в огромном [сборно-металлическом] павильоне *квонсет/қонсет*, расположенном в городке Стоу-он-Уолд/Stow-on-the-Wold, остальная часть батальона — неподалёку от Суиндона/Swindon. Представьте себе: глухой населённый пункт, затерявшийся высоко на *уолде* — так в Британии называют возвышенности — где климат, по крайней мере, в феврале, сырой, туманный и ветреный, с морозящими дождями. В этой обстановке вообразите *квонсет-хижину* — укрытие из сборных гофрированных металлических листов, имеющее форму полукруга от крыши до самой земли. Теперь поставьте внутрь две пузатые печки — по одной с каждого конца — которые прогревают пространство лишь в радиусе примерно шести футов. Так выглядел наш первый зарубежный лагерь. Это было также место, где мы впервые попробовали армейскую еду из яичного порошка и сухого молока. Фу!

Местные жители делали всё возможное, чтобы мы чувствовали себя как дома. Они организовали для нас клуб, где можно было играть в игры, болтать с жителями, слушать пластинки, танцевать и перекусывать. Еда в основном состояла из бутербродов с джемом, скоунов и чая — без сахара и без молока. Стоу-он-Уолд оказался раем по сравнению со многими нашими будущими лагерями.

Наш первый бой — 3 июля 1944 года — имел место в те дни, которые остаются в памяти ярким калейдоскопом и, словно при перематке видеоманитофона вперёд, проживаются за несколько минут. Армейская жизнь перестала быть шуткой — больше никаких «бах — и ты

убит», никаких учебных манёвров. День был дождливым, и перископы были почти бесполезны. Люки были открыты весь день. Снаряды рвались вокруг нас, танки вязли в грязи, некоторые подрывались на минах, поступали сообщения о погибших. Честно говоря, я думал, что не доживу до конца дня. Утром произошёл один из тех эпизодов, когда правда оказывается диковиннее вымысла. Рота А была придана 82-й Воздушно-десантной Дивизии, и один из парашютистов зашёл в наше расположение — паренёк по фамилии, кажется, Дикерсон (Dickerson) или что-то вроде того. Когда-то он служил в Роте А ещё в Форт Беннинге, но затем перевёлся в десант. Наша встреча длилась всего несколько минут, и «ради старых времён» Дикерсон захотел проехать несколько секунд на одном из танков, когда мы выдвигались на боевые позиции. Позже я услышал, что танк, на котором он ехал, подорвался на mine, и Дикерсон погиб. Назовите это совпадением, но я скажу, что Дикерсона жестоко покарала злодейка-судьба. Он ненавидел танки, перевёлся в десант, чтобы держаться от них подальше, но погиб именно из-за того, что оказался на танке — в месте, где ему вообще не следовало быть.

С того дня и до конца войны мы жили по-старому, прагматичному закону войны: убей или будешь убит. Многие уроки, полученные в тылу, пришлось забыть, осваивая новую игру — игру не понарошку, в которой мы стреляли настоящими боеприпасами, жили в страхе и постоянно смотрели в лицо смерти. Именно на севере Франции, во время боёв в окрестностях [Фалезско-Аржантанского котла](#), я в который раз проклял день, когда меня призвали в армию. Два события заставили меня молиться о том, чтобы меня отправили обратно в Штаты. Одним была случайная гибель близкого друга, Дуэйна Майнера (Duane Miner), другим — душераздирающая травма. Я был наводчиком, а мой командир танка относился к тем, кого мы называли *чудик на девяносто дней/ninety days wonder* — офицер-замена, только что выпущенный из офицерской школы, чьи знания о том, как воевать, существовали лишь на бумаге. Я стрелял 75-мм снарядами по лесному массиву настолько быстро, насколько мой заряжающий успевал загонять их в казённый орудия. Вдруг в поле зрения моего перископа возник бегущий пехотинец, отчаянно размахивавший руками. Я схватился за край люка и подтянулся, встав перед лейтенантом. Даже сейчас его слова вызывают у меня тревогу, когда я вспоминаю тот момент: «Стойте! Вы убиваете наших!» Я рухнул обратно на место наводчика, положил голову на скрещённые руки и заплакал. Для меня война на этом закончилась. Моя голова была полностью сломана. До меня дошло, что я не просто убиваю людей — что само по себе травмирует, — но убиваю наших собственных солдат. Я отказался продолжать бой и был отправлен в тыловую «зону безопасности» Роты А. Я заполз под подбитый танк и пролежал там до конца дня. Никто ничего мне не сказал, понимая и уважая то что мне необходимо побыть одному и разобраться в своих мыслях. Я пытался убедить себя, что подпадаю под *Раздел 8* — психически непригоден — и меня отправят обратно в Штаты из-за *боевой усталости*. Однако к сумеркам я понял, что симулировать психический срыв я не способен. На следующий день, узнав, что мой командир танка перепутал приказы, я отказался идти с ним в бой. Ему сказали: «Не стреляй влево», но по ошибке он расслышал: «Стреляй влево».

Некоторое время мне казалось, что капризный перст судьбы вновь нацелился на меня: меня назначили в танк Фаулера! Однако мы уже не проходили начальную подготовку — теперь мы были боевыми товарищами, а передовая была не тем местом, где сводят личные счёты. Топор войны был зарыт, и установилось негласное перемирие. Думаю, если бы между нами не было вражды, мы с Фаулером вполне могли бы стать друзьями.

Именно такие инциденты, как ошибочный приказ лейтенанта, и приводили к продвижению по службе в боевых условиях. Мы больше не получали на замену неопытных офицеров; вместо этого такие сержанты, как Браац, Джонсон, Хэгerti, Эллсворт Ховард (Ellsworth Howard) и Сэм Макфарланд (Sam McFarland), зарабатывали свои лейтенантские погоны самым трудным способом — в бою. Позже и меня повысили до сержанта и назначили командиром танка — должность, к которой я не стремился. Командир танка обычно шёл в бой с высунутой головой, подставленной под вражеский огонь. При закрытом люке обзор через перископ размером всего два на шесть дюймов был едва-едва годен на что-то.

Гораздо предпочтительнее — хотя и куда опаснее — было идти в бой с открытым люком, когда голова командира танка покачивалась вверх-вниз, как мишень на стрельбище.

Кроме того, всегда существовал риск налететь на кочку или зацепить низко свисающие ветви и получить люком по пальцам. С Бобом Хэгerti такое случилось. К тому же для боевого духа экипажа было важно знать, что их командир начеку и всё ещё жив. Став командиром танка, я расстался с Фаулером и получил собственную машину и собственный экипаж. Я никогда не шёл в бой без одного особого средства защиты — немецкой каски. Мы с экипажем поставили рядом немецкую каску и американскую и выстрелили в обе из пистолетов калибра .45. Пули прошли американскую литую каску, но отскочили от немецкой каски из закалённой стали. Я вложил немецкую каску внутрь американской, и хотя эта чёртова штуковина была тяжёлой, я чувствовал, что моя голова стала пуленепробиваемой. Иногда мой экипаж прятал мою каску, а потом с радостью наблюдал, как, получив приказ выдвигаться, я метался и орал: «Где моя чёртова каска?!» Если я не находил её, они отдавали мне каску перед самым выездом. Я ругался; они смеялись.

Танкисты 712-го Батальона

Мы стояли на привале неподалёку от Мэри/Mairy во Франции, когда нас ночью контратаковали немцы (*это происходило в начале сентября 1944 года – ВК*). Начался настоящий ад, но к рассвету противник был полностью разгромлен. В Роте А погибших не было, и лишь один человек был тяжело ранен. И здесь снова немалую роль сыграло колесо фортуны. Когда мы укладывались на ночь, этот парень — имени его я не помню — решил, что безопаснее спать внутри танка, а не под ним. Во время контратаки в стволы 75-мм орудий немцы бросали гранаты, чтобы вывести их из строя. У танка, в котором он спал, ствол был поднят, а затвор открыт. Граната скатилась по стволу, упала внутрь танка, и он принял на себя всю силу взрыва.

[Примечание: на самом деле этот случай произошёл возле города Майнц в Германии. Сержант, находившийся в танке, Ллойд Мартин (Lloyd Martin) потерял руку в результате взрыва.]

Однако, бывало, что Роте А сопровождала и удача. Один совершенно невероятный случай, который вполне можно назвать чудом, произошёл, когда ночью мы загнали танки в поле,

чтобы перевести дух, немного отдохнуть и дожждаться бензовоза для заправки перед рассветом. Грузовик прибыл вскоре после полуночи и, едва въехав на поле, наскочил на мину и подорвался. На рассвете мы обыскали местность и обнаружили дюжину или больше мин — у некоторые взрыватели находились всего в нескольких дюймах от гусениц танков. Одна мина лежала так близко, что её бок касался трака одного из танков. Провидение, должно быть, направляло все пять наших машин, когда мы въезжали в это поле. Чтобы выбраться, каждый танк осторожно выводили обратно, точно повторяя собственные следы гусениц, оставленные при въезде. Единственной трагедией оказался подрыв бензовоза.

После боев в районе города Мэри американские солдаты осматривают подбитую Пантеру...

В двух случаях я самовольно уходил в *отгулы* — по уважительным причинам. Первый раз был во время ночного марша по дорогам северной Франции, где-то в районе Сен-Ло/Saint-Lo. Танк, в котором я находился (тогда я был наводчиком), шёл между двумя бензовозами. Немецкие самолёты налетели и начали бомбить и обстреливать колонну. Прекрасно понимая, что представляют собой бензовозы, мы с заряжающим покинули танк и укрылись в лесу. Мы выждали около пятнадцати минут после того, как бомбёжка и обстрел прекратились. Когда мы вернулись на дорогу, ни одного танка там уже не было! 712-й ушёл вперёд. Мы поймали попутку - грузовик с пехотинцами - и вместе с ними оказались в небольшом городке. Никто — по крайней мере из тех пехотинцев, кого мы спрашивали — не знал, где сейчас находится 712-й Батальон, да и нам с заряжающим это было не особенно важно. Мы остались с пехотным подразделением — никакой работы, никаких забот, никаких приказов и никаких танков. Мы питались в пехотной столовой, заходили в местные пабы и общались с французскими подпольщиками. Никого не смущало наше присутствие, хотя мы были единственными, у кого на форме были нашивки бронетанковых войск. На третий день мой заряжающий — имя Рид Фостер (Reed Foster) всё время всплывает в памяти, хотя я не уверен, что именно так его звали, — зашёл в паб, где я наслаждался жизнью почти вне армии, и сказал, что офицер из 712-го заехал в город, заметил у него танковую нашивку и спросил, что он тут делает. В итоге нас отвезли обратно в Роту А, где считали, что мы с Фостером погибли при бомбёжке. На следующий день мы двинулись дальше. Нашим пунктом сосредоточения был участок недалеко от линии фронта. Когда мы прибыли в предназначенный нам городок, оказалось, что это именно тот самый, где мы с заряжающим провели свои трёхдневные самовольные «каникулы». В каком-то смысле это утешало: если бы лейтенант не нашёл нас накануне, нас всё равно обнаружили бы, когда танки Роты А вошли в город.

Танкисты 712-го Батальона с трофейным гранатометом панцершрек. 17 ноября 1944 года

Второй «отпуск» произошёл в маленьком городке Донлинген/Donlingen, в Люксембурге. В начале января 1945 года 712-й Батальон был на марше в зону боевых действий [Арденнского сражения](#). Немецкие войска прорвали американскую оборону в бельгийских Арденнах, образовав *выступ* в линии фронта. Когда мы двигались на север через Люксембург в сторону [Бастони](#)/Bastogne, погода была ужасной. Метель делала продвижение вперед трудным и опасным, и танки ползли медленнее, чем человек идёт пешком. Подъём в гору ночью был испытанием, которое невозможно описать словами — это нужно было пережить самому. Водитель совершенно не видел дороги. Он ехал без огней, и всё, что он видел, было сплошной белизной — впереди, слева и справа. Снег, гонимый ветром, хлестал его по лицу, и ему приходилось прижимать переносицу к краю люка и натягивать каску до самых бровей. Поле зрения сокращалось до щёлочки шириной в дюйм, и ориентировался он по флуоресцентному отражателю, прикреплённому к задней части каски одного из членов экипажа, который шёл по следу левой гусеницы, оставленному в снегу идущим впереди танком. Малейший отклонение в одну сторону могло окончиться падением танка в овраг, в другую — в кювет, откуда выбраться обратно на дорогу было бы невозможно, если только не сдавать задом до места, где кювет и дорога находились на одном уровне. Само собой разумеется, мой танк съехал в кювет. Нам — мне и моему экипажу — пришлось дожидаться, пока колонна пройдёт дальше, а затем сдавать назад и начинать этот адский подъём заново. Нам потребовалось больше двух часов, чтобы добраться до вершины холма. Когда мы наконец поднялись, мы оказались в одиночестве — 712-й исчез.

Примерно в миле впереди небо полыхало огнём. Что бы это ни был за город, картина напоминала сцену прямо из [Божественной Комедии](#) Данте. Не зная, в каком направлении ушли остальные, мы решили съехать с главной дороги и свернули на боковую, которая привела нас к зданию, больше похожему на пансион или туристическую базу, чем на жилой дом. Я заколотил в входную дверь, выкрикивая по-немецки, есть ли кто-нибудь внутри. Дверь открыла испуганная пожилая женщина с зажжённой свечой в руках, и я сказал ей, что мы ищем место, где можно согреться. Она впустила нас, и мы собрались на кухне — самом тёплом месте в доме. Вскоре к нам присоединились ещё две женщины, пожилой мужчина и подросток. Они с ужасом смотрели на нас. Мы с экипажем говорили по-английски, и мужчина робко спросил, американцы ли мы. Хотя я подтвердил, что мы американцы, они всё равно сомневались, пока я не расстегнул форму и не показал свои жетоны. Их мрачные лица расплылись в широких улыбках. Подросток свободно говорил

по-английски и объяснил, что моя немецкая речь вызвала у них подозрение. Донлинген оказался втянутым в перетягивание каната между немецкими и американскими войсками, и они боялись, что мы — немцы, переодетые в американскую форму, которые пришли, чтобы выяснить, сочувствуют ли местные жители американцам. Они опасались проявлять дружелюбие, чтобы их не убили.

Утром мы отогнали танк за здание — так, чтобы его не было видно с дороги. Это место оказалось зимним курортом, и мы были его единственными постояльцами, которые ни за что не платили, но, тем не менее, были самыми желанными гостями. Пища была скудной, но горячей и домашней, для нас нагрели воду, чтобы мы могли помыться. Когда мы ложились спать, нам даже выдали ночные горшки, которые ставили под кровати. В спальнях было холодно, но одеял хватало. И снова — на третий день — нас нашли, на этот раз это был один из лейтенантов Роты А. Он устроил мне разнос за то, что я спрятал танк за зданием, сказав, что пару раз проезжал мимо, разыскивая мой танк, который, как считалось, где-то застрял в кювете. Я объяснил ему, что нам пришлось спрятать танк, чтобы его не заметили с воздуха немецкие самолёты. И снова — назад в 712-й, в Арденнский сектор фронта.

Помимо войны с противником, нам приходилось воевать и с лютым холодом. Если к ночи мы оказывались в каком-нибудь городке, было не так плохо, потому что мы укрывались в домах — гражданских при этом помещали в специально отведённые *дома временного содержания*. Если не было дров, ломали мебель и жгли ее в каминах. Хуже всего было, когда мы застревали под открытым небом. Единственным нашим укрытием был танк, который, словно морозильная камера, покрывался изнутри слоем инея. Одной из самых серьёзных наших забот было избежать обморожения, особенно ног. Мы собирались внутри танка, закрывали люк и разжигали маленькую переносную горелку. Затем снимали башмаки и большую часть ночи растирали ноги. Сон отходил на второй план. Даже голод был менее важен, чем выживание на холоде.

Я побывал в трёх танках, которые были подбиты. Первый — когда я был помощником механика-водителя, два других — когда был наводчиком. Первый эпизод случился в Нормандии. Я находился в головном танке, двигавшемся по дороге туда, где местность была занята противником. Водителем был Джордж Уотсон (George Watson). Мы оба сидели с закрытыми люками. Звука выстрела мы не услышали — была только ослепительная вспышка света слева от меня. Танк был поражён выстрелом из базуки. Уотсон был ранен, но действовал автоматически, как робот. Он включил задний ход, и, когда мы сдавали назад, танк опрокинулся в кювет вдоль дороги. Мы все, кроме Уотсона, покинули танк и укрылись в неглубокой яме по другую сторону живой изгороди. Через несколько секунд примерно в пятидесяти ярдах от нас разорвалась мина, затем вторая — так близко, что нас осыпало землёй. Мы знали, что следующая разорвёт нас к чёрту, и перемахнули через изгородь так быстро, как только могли, приземлившись в кювет у дороги. Мы поползли назад на локтях и коленях. Санитары добрались до Уотсона и увезли его в пункт, откуда его должны были отправить в госпиталь. Мы с заряжающим подошли к нему. Он был неузнаваем: лицо почерневшее и распухшее, глаза заплыли и не открывались, губы разбиты, рот в крови. Мы говорили с ним, а он лишь стонал от боли. Это был последний раз, когда я видел Уотсона.

Второе попадание было странным — таким, где меня вновь пощадила судьба. Это произошло в районе Фалезского котла. Было около полудня, и казалось, что вся война взяла передышку. Ни стрельбы, ни бомбёжек, ни самолётов, ни движения на земле. Наш командир танка ушёл выяснить, что происходит — точнее, почему ничего не происходит. Я стоял в башне танка и безмятежно осматривал местность. Джордж Басселл, механик-водитель, вылез из танка и забрался под него, чтобы размяться. Это показалось мне хорошей идеей, и одним быстрым движением я выскочил из танка и прыгнул на землю. В тот же момент заряжающий сдвинулся в сторону и встал в танке на то место, где секунду назад стоял я. Миномётный снаряд попал в верхнюю часть танка, и взрыв всей своей силой шарахнул по голове и плечам заряжающего. Мы с Басселлом рванули обратно в танк, и он

на полном ходу погнал машину к санитарам. Лишь позже меня накрыла ударная волна осознания, когда я подумал о том, что произошло бы, если бы снаряд попал всего на пять секунд раньше. Долгое время эта мысль снова и снова приходила мне в голову и заставляла задумываться о *судьбе*. Даже сейчас, когда я вспоминаю об этом, меня пробирает дрожь. Третье попадание было слишком незначительным, чтобы на нём заикливаться. Мой танк был подбит на [Линии Зигфрида](#) — снаряд попал в танк всего в нескольких дюймах над левой гусеницей. Никто не пострадал, просто машина на какое-то время вышла из строя.

712-й с боями прошёл через Францию и Германию и в конце войны оказался в Чехословакии — на родине моих родителей. За все месяцы боёв мы, американские солдаты, в целом ничем не отличались от солдат любой другой армии в истории. У нас была и тёмная сторона, которую газеты и кинохроника старались не показывать людям дома. *Джу-ай/GI* занимались бессмысленным разрушением имущества немцев и узаконенным сбором *трофеев*, проявляли неоправданную жестокость по отношению к военнопленным и гражданским, насиловали и убивали по поводу и без повода. Во время войны солдату разрешается убивать кого-то лишь потому, что человек был классифицирован как *враг*. Я могу — с оговорками — принять всю эту мерзость как неотъемлемую часть войны, за исключением бессмысленных убийств.

Немецких солдат, которые сдавались или были захвачены, обычно сопровождали в место сбора. Иногда, когда брали всего одного-двух пленных, для сопровождения назначали пару американцев. Порой, когда они скрывались из виду, мы слышали выстрелы. Объяснение почти всегда было одним и тем же: «Они пытались бежать, и нам пришлось их застрелить». Самым ужасным и отвратительным проявлением этого узаконенного убийства была сцена допроса пленного немецкого солдата опытным следователем из штаба. По его форме было ясно, что это, скорее всего, обычный пехотинец, который ничего не знал о передвижениях немецких войск в целом. Тем не менее солдат отказывался отвечать на вопросы, бормоча что-то типа *Mein Führer*. Мозги бедняги были промыты пропагандой, и его преданность Гитлеру и нацистской партии оказалась важнее его собственной жизни. Следователь приставил пистолет к его голове и сказал, что сосчитает до трёх, и, если к тому времени он не ответит, нажмёт на спуск. Солдат снова заявил о своей преданности *Фюреру*. «Eins... Zwei... Drei». Выстрел. Череп солдата разлетелся, и когда он рухнул на землю, остатки его мозга вывалились наружу. Но и этим всё не закончилось. Около шести наблюдавших выплеснули своё обезумевшее от войны озлобление, всадив очередь из стрелкового оружия в уже мёртвое тело. Если у солдата не было каких-либо документов в карманах, в дальнейшем установить, кем он был, оказалось бы невозможно. Я часто задаюсь вопросом, испытывал ли кто-нибудь из тех людей потом раскаяние. Если нет — им лучше иметь хорошо подвешенный язык, когда они встретятся со своим создателем...

<https://tankbook.ipower.com/stories/fingerof.htm>

БОВОЙ ПУТЬ СЕРЖАНТА 12-Й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ КАРЛА ЭРИКСОНА

Карл Эриксон (Carl Erickson, на фото слева) работал посыльным в отеле Savoy Де-Мойне/Des Moines, штат Айова, когда узнал о [нападении японцев на Пёрл-Харбор](#). Он был единственным сыном в семье с пятью сёстрами. Его мать умерла, когда ему было одиннадцать лет. У него была девушка — Рут Эссик (Ruth Essick), с которой он встречался уже некоторое время. Понимая, что его очередь призываться скоро подойдёт, Эриксон добровольно записался в армию и отправился в Форт Нокс/Fort Knox, штат Кентукки, на обучение в танковую школу. По окончании курса он остался там механиком, ремонтируя танки *M4 Шерман/Sherman* (справа на фото Эриксон в лагере Форт Нокс. Рут даже приезжала на юг, чтобы навестить его).

Когда он узнал о [высадке союзников во Франции 6 июня 1944 года](#), он понял, что его могут отправить на фронт. Ждать пришлось недолго. Десять дней спустя в Нью-Йорке он и ещё пять тысяч солдат поднялись на борт судна *Louis Pasteur*, переоборудованного в транспорт для войск. Переход через Атлантику был тяжёлым: корабль шёл противолодочными зигзагами, многие солдаты страдали от морской болезни. Эриксона это не беспокоило — он был пулемётчиком на верхней палубе. Судно подошло к побережью западной Англии, но два дня стояло на траверзе Ливерпуля, ожидая прилива.

После швартовки Эриксон и солдаты из других частей проехали через Англию в железнодорожных вагонах, затем переправились через Ла-Манш и высадились в Гавре. В пункте распределения он и ещё восемь солдат стояли вокруг стола, когда капитан Айвэн Вудс (Ivan Woods) из 12-й Танковой Дивизии генерал-майора Родерика Аллена (Roderick Allen, 1894-1970) спросил каждого об их военной специальности. Эриксон сказал, что он прошел обучение как танковый механик. «Если можешь чинить — значит, сможешь и водить», — ответил Вудс.

Так Эриксон стал водителем в Роте А 43-го Танкового Батальона Боевой Группы А. 12-я Дивизия воевала в составе американской 7-й Армии под командованием генерал-лейтенанта Александра Пэтча (Alexander Patch, 1889-1945), которая высадилась на юге Франции 15 августа 1944 года и с боями продвигалась к германской границе. 43-й Танковый Батальон остро нуждался в людях. В небольшом приграничном городе Эрлишем/Нерлишеим в первые недели января 1945 года немецкие танки 10-й Танковой Дивизии СС почти полностью уничтожили батальон и захватили его командира, подполковника Николаса Новосела (Nicholas Novosel, 1913-1990), поначалу числившегося погибшим. После боя немцы сообщили, что взяли в плен около 300 американских солдат и уничтожили 50 танков, включая часть машин 23-го Танкового Батальона из БГ В.

«Никто не говорил 12-я Танковая Дивизия, — вспоминал Эриксон. — Говорили 43-й Танковый Батальон». Капитан Вудс, ранее служивший передовым наблюдателем, познакомил Эриксона с его новым экипажем. На склоне лет у Эриксона в памяти остались лишь некоторые фамилии: Уиггинс (Wiggins) - командир танка, Уильямс (Williams) - наводчик; Роминелли (Rominelli) — заряжающий, имя пулемётчика в носовой части танка он уже не смог вспомнить.

Танк М4А3 Шерман, получивший прозвище *Anticipation/Ожидание*, стал домом Эриксона на следующий месяц, — «а заодно и спальней с туалетом», как он вспоминал. Внутри машины танкисты развесили пин-ап плакаты, резко выделявшиеся на фоне белых стен. Снаружи, на наклонной лобовой броне, висели запасные траки, а отдельные части танка были обложены мешками с песком в качестве защиты от немецких *панцерфаустов*. Место водителя - Эриксона - находилось с левой стороны танка. Люк над его головой был оснащён перископом, через который, по его словам, было трудно что-либо разглядеть. Он предпочитал просто высовывать голову наружу. На приборной панели имелись спидометр и тахометр, а также указатели давления масла, температуры и уровня топлива. Но самым важным для Эриксона было место для хранения над приборной панелью и слева от неё, где он держал бутылку спиртного. «Я хранил всё, что только удавалось раздобыть», — вспоминал он.

После боев в Эрлишеме следующей задачей 12-й Танковой Дивизии стало участие во взятии французского города Кольмар/Colmar, находившегося внутри [удерживаемого немцами выступа](#) площадью около 850 квадратных миль, который союзникам необходимо было ликвидировать. Пока 20 января Французский 1-й Корпус наступал с юга, американская 28-я Пехотная Дивизия и французская 5-я Танковая Дивизия Франции зачищали северную часть выступа. 2 февраля 12-я Дивизия вступила в бой на севере и прошла через Кольмар, почти не встретив сопротивления. Однако сразу после этого американцы столкнулись с упорным сопротивлением противника. Именно в этих боях Эриксон по-настоящему узнал свой экипаж и понял, насколько хорошо он освоил профессию танкиста. Перед первым боем командир танка Уиггинс сказал Эриксону никогда не глушить двигатель во время боя. «Я не хочу, чтобы ты дёргался, - сказал он. - Нам нужно дать наводчику время на то, чтобы прицелиться». Наводчик Уильямс до назначения в танковый экипаж был инструктором по стрельбе. Однажды, когда танк двигался по дороге, он заметил в поле три немецких противотанковых пушки, готовившихся открыть огонь. Он развернул башню и засыпал их снарядами, уничтожив их прежде, чем они успели сделать хотя бы один выстрел. Уцелевшие немцы бежали. «Мне повезло с отличным наводчиком, — говорил Эриксон. — Он действительно спас нам жизнь». Роминелли, заряжающий, тоже был мастером своего дела. Эриксон вспоминал, что он успевал зарядить пушку сразу же после того, как гильза вылетала из ее казённого. Однажды он сработал так быстро, что у одного из снарядов сорвалась боеголовка, и порох рассыпался по всему внутреннему пространству танка. Капитан Вудс приказал вывести его с передовой, после чего на его полную очистку ушло два дня. Пулемётчик в лобовой части танка также действовал без колебаний. Как-то на закате танк наткнулся на группу немцев, сидевших в стрелковых ячейках, и он незамедлительно открыл огонь. «Нам пришлось буквально выкуривать их из окопов пулемётным огнём», — вспоминал Эриксон. Многие немцы были убиты, но нескольким удалось сдаться пехотинцам. «Это зацепило меня, — говорил он, вспоминая вид мёртвых немцев. — Это была личная сторона войны».

В ходе боёв Эриксон познакомился с солдатами транспортной службы, известной как *Red Ball Express* – черными американцами, которые днём и ночью водили грузовики, снабжая передовые части продовольствием, горючим и боеприпасами во время стремительного продвижения союзников по северной Франции. Ко времени боёв за Кольмар всех солдат службы снабжения уже называли *Red Ballers*. Каждую ночь они прибывали на передовую, чтобы дать возможность заправить танки и пополнить их боекомплекты. Эриксон вспоминал, как он стоял в правой части кормы своего танка, пока чернокожие солдаты передавали ему пятигаллонные канистры с бензином, которые он опорожнял в топливный бак. Для заполнения 185-галлонного бака танка *Шерман* требовалось 37 таких канистр. Пока Эриксон заливал топливо, другие солдаты загружали боеприпасы. Однажды ночью солдаты службы снабжения занервничали, когда трассирующие пули и взрывы осветили ночное небо. «Они были до смерти рады убраться оттуда», — вспоминал Эриксон. Бои к югу от Кольмара он запомнил прежде всего из-за того, какое огромное количество снарядов и пуль было выпущено по врагу. «Мы израсходовали уйму боеприпасов», — рассказывал он. При этом был момент, когда его машину использовали в качестве санитарного транспорта. Экипаж водрузил на танк флаг *Красного Креста*, после чего Эриксон повёл его по открытому полю, где раненых поднимали на броню и перевозили обратно к медицинскому пункту.

Завершив бои на Кольмарском выступе, дивизия повернула на восток — к германской границе. Танк Эриксона достиг [Линии Мажино](#) — французской системы укреплений, построенной в 1930-е годы вдоль границ с Германией, Бельгией и Швейцарией... Затем они вышли к [Линии Зигфрида](#) — немецкой оборонительной линии. Здесь танку Эриксона пришлось пройти по расчищенному бульдозерами проходу через полосу бетонных надолбов, известными как [Зубы Дракона](#)/*Dragon's teeth*.

Шерман пересекает полосу бетонных надолбов на Линии Зигфрида

Эриксон писал Рут при любой возможности. Чтобы поддерживать боевой дух, он носил в кармане маленькую Библию в стальном переплёте и обращался к ней всякий раз, когда находил свободную минуту. В минуты сильного напряжения он повторял один стих — 2-е послание к Тимофею 1:12, который приносил ему утешение: «И по сей причине я и страдаю так; но не стыжусь, ибо знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силён сохранить залог мой на оный день».

Слева – рацион 10-в-1-м, справа – рацион С

Танкисты в основном питались *С-рационами*, но предпочитали рационы *10-in-1* (это была *продуктовая упаковка на один приме пищи для 10 человек – ВК*), «когда они вообще появлялись», — вспоминал Эриксон, Существовало четыре вида *С-рационов*, однако Эриксону казалось, что ему постоянно доставались только бобы с сосисками. «Меня от них просто тошнило». Когда солдаты не ели, они курили сигареты, которые входили в паёк. «Армия, можно сказать, научила меня курить», — усмехался он. Чтобы не мёрзнуть в конце зимы и начале весны, экипажи закрывали все люки и держали двигатель заведённым. Когда масло в его 55-галлонном баке прогревалось, внутри становилось вполне комфортно. Пехотинцы прислонялись к танку, чтобы согреться, а при возможности экипаж пускал по несколько человек из них внутрь.

Почти каждое утро Эриксон поднимал глаза и видел в небе длинные белые полосы от строя бомбардировщиков. «Мы не видели, как они сбрасывали бомбы, но результат видели отлично», — вспоминал он. Воздушные армады союзников превращали немецкие города в руины. В одном промышленном районе он видел воронки на дороге, в которые мог бы поместиться дом. «Мы даже проехать там не могли», - вспоминал танкист. Однажды, когда Эриксон вёл танк по открытому полю, потряс машину мощный взрыв. «Я не понял, что

произошло», — вспоминал он. Танк наехал на немецкую противотанковую мину *Teller*. Взрыв деформировал ходовую часть, сорвал гусеницу и сбил опорный каток. От контузии у Эриксона пошла кровь из ушей. Больше никто не пострадал, но он несколько дней плохо слышал. «В тот момент я испытал самый сильный страх за всю войну, — говорил он. — Ты пугаешься так сильно, что потом перестаёшь бояться, и именно тогда ты становишься хорошим солдатом».

Эриксону и его экипажу выдали новый танк *Шерман M4A3-E8*, известный как *Easy Eight*. Эта усовершенствованная версия имела более широкие гусеницы, более толстую броню и 76-мм скорострельное орудие. Но и этот танк вскоре был повреждён. Проезжая поворот на улице одного города, Эриксон потерял управление. Танк занесло вбок, он зацепил рельсы трамвайной линии и повредил гусеницы.

После боёв за Кольмар 12-я Танковая Дивизия в середине февраля была выведена в резерв корпуса и оставалась вне линии фронта до марта. За это время дивизия получила несколько рот афроамериканских солдат для восполнения потерь в своих пехотных подразделениях. 17 марта 12-ю Дивизию передали в подчинение 3-й Армии генерал-лейтенанта [Джорджа Паттона](#) (George Patton), чтобы помочь ему прорваться к Рейну — последнему естественному рубежу на пути в Германию. Паттон встретил дивизию пламенной речью на большом поле недалеко от французского города Серк-ле-Бен/Sierck-Les-Bains. Эриксон вспоминал, как Паттон говорил солдатам: «Я первым доберусь до Рейна, даже если мне придётся гнать туда грузовик *Mask 6×6*, чтобы привезти обратно ваши жетоны!» (*Генерал имел в виду то, что его не беспокоит число погибших, с которых придется снимать солдатские жетоны – ВК*). В одном из первых приказов Паттон распорядился снять дивизионные нашивки, чтобы немцы продолжали думать, что 12-я Танковая Дивизия всё ещё находится в составе 7-й Армии. На следующий день дивизия начала наступление к Рейну, преодолевая сквозь слабое сопротивление немцев. Эриксон помнил, как они проходили через немецкий город Трир/Trier, занятый 10-й Танковой Дивизией двумя неделями ранее, но не помнил ни Чёрных Ворот/Porta Nigra, ни римского амфитеатра. Части 12-й Дивизии вышли к Рейну 20 марта, а четыре дня спустя соединились с 14-й Танковой Дивизией, наступавшей с юга.

Шерман переезжает через рек по колежному мосту под контролем пехотинца или сапера...

Эриксон переправился через реку ночью недалеко от города Вормс/Worms по колежному понтонному мосту. Направляемый пехотинцем, он медленно вёл танк: машина приподнималась на каждом понтоне и опускалась, съезжая с него. «Если бы я увидел это днём, — говорил Эриксон, — я бы точно ушёл в самоволку». Вспоминая о [знаменитом эпизоде с генералом Паттоном](#), он сожалел о том, что не был свидетелем того, как Паттон мочится в Рейн с моста.

За Рейном

Передышки на расстоянии от передовой длились недолго. Однажды, когда солдаты отдыхали, они получили приказ сменить другую танковую дивизию. Танк Эриксона оказался в колонне, устремившуюся к передовой. Вдалеке он увидел развилку, где военный полицейский в белых перчатках регулировал движение, стоя у джипа рядом с придорожным домом. Однако к тому моменту, когда танк Эриксона достиг развилки, полицейского уже не было, джип был раздавлен, а крыльцо дома разрушено: у танкистов не было времени ни остановиться, ни даже притормозить.

После переправы через Рейн 12-я Дивизия 24 марта вернулась в подчинение 7-й Армии генерала Пэтча. Под командованием Паттона она воевала всего неделю и теперь стала ударным соединением 7-й Армии. Ей дали короткую передышку перед возвращением в бой. Эриксон и его экипаж отлично провели время в Гейдельберге/Heidelberg, «освободив» три больших пивных бочки. Одну они поставили на нос танка, две — сзади. Пока танк двигался, двигатель нагревал задние бочки. У одной из них выбило пробку, и струя пива взмыла в воздух на шесть метров. Потом Эриксону пришлось вскрывать эту бочку топором. «Мы потеряли половину пива из нее», — с сожалением вспоминал он.

В начале апреля рота Эриксона подошла к немецкому городу Вюрцбург/Würzburg, где выстрел из *панцерфауста* остановил танк, идущий впереди него. Повреждённый танк остановился. Эриксон видел, как немец вышел из расположенного рядом здания и обошёл танк. Внезапно танкист по фамилии Эллен (Allen) спрыгнул с башни на немца. «Он применил к нему бруклинский вариант приема, который в этом районе Нью-Йорка называли *гусь/goose*», рассказал Эриксон, имея в виду, что тот ткнул немца двумя пальцами в глаза. Затем Аллен выхватил у немца пистолет и застрелил его. «У меня эта сцена до сих пор стоит перед глазами», — вспоминал Эриксон.

Танки продвигались вглубь Германии по автобанам. Однажды, когда Эриксон вел свою машину на большой скорости по шоссе, он заметил немецкий танк, возможно, *Тигр*, который открыл по нему огонь с расстояния примерно в полмили. Капитан Вудс закричал по радио: «Убирайтесь с этого шоссе!» Эриксон развернул танк и помчался прочь. Он вспоминал, что на помощь прилетел истребитель-бомбардировщик *Тандерболт/Thunderbolt*, который уничтожил немецкий танк, а затем вернулся, покачивая крыльями. Это был далеко не первый и не последний раз, когда истребители-бомбардировщики выручали роту Эриксона: «Когда мы вели бой и нуждались в них, они всегда оказывались рядом».

Бои тяжело отражались на психике танкистов. «Пару человек мы потеряли из-за того, что они просто сходили с ума», — вспоминал Эриксон. Новый младший лейтенант, принявший командование одним из взводов, не выдержал своего первого боя. Когда засвистели пули, по словам Эриксона, «он лёг на дно танка и разрыдался, как младенец». Солдаты вытащили его из машины и оттащили за здание. «Об этом потом долго ходили разговоры».

12-я Дивизия продолжала наступать. 22 апреля танкисты с боями вошли в город Диллинген-на-Дунае/Dillingen an der Donau, где обнаружили немецких солдат, готовивших мост к подрыву. Пока Эриксон и другие танкисты вели огонь через реку, пехота пошла в атаку на мост. «Мы застали их врасплох», — вспоминал Эриксон. Когда мост и его окрестности зачистили от немцев, американцы нашли под ним шесть авиационных бомб весом по 500 фунтов каждая. Для их обезвреживания вызвали сапёров. Экипаж Эриксона провёл ночь на западном берегу моста и переправился на следующий день.

Четыре дня спустя Эриксон последовал за другим танком через ворота большого комплекса возле Ландсберга. На календаре было 22 апреля 1945 года. Именно тогда он увидел истинное лицо Германии Адольфа Гитлера — концлагерь *Ландсберг*. Эриксон вместе с другими танкистами Роты А 43-го 12-й Танковой Дивизии только что проломил

ворота этого лагеря, одного из подлагерей системы концлагеря Дахау. По радио раздался голос командира роты: «Всем оставаться в танках!» Экипаж машины Эриксона подчинился приказу. Карл Эриксон сидел в оцепенении внутри своего танка *Шерман*, наблюдая, как измождённые люди в рваных полосатых робах улыбались и слабо махали ему и его товарищам-танкистам. «они были буквально кожа да кости, — вспоминал Эриксон, служивший водителем танка. — Они были такими худыми, что их глаза буквально вылезали из орбит». Поначалу ему показалось, что он попал на территорию больницы, полной смертельно больных пациентов. Воздух был пропитан запахом разлагающихся тел и сожжённой плоти — это было худшее из всего, что ему довелось ощутить за всю войну.

Американцы в лагере Ландсберг...

Вскоре капитан снова вышел на связь: «Кто, чёрт возьми, дал им выпивку?» Один из танкистов, пожалев заключённых, отдал им часть своего запаса спиртного, но их организмы не смогли этого вынести. Проведя два часа в этом кошмарном месте, танкисты покинули лагерь. Единственное, что принесло Эриксону хоть какое-то утешение, было услышанное позже: «Я узнал, что пехота, шедшая за нами, зашла в город и заставила местных жителей копать могилы», — вспоминал он...

Эриксон высоко ценил механизированную пехоту за поддержку, которую она оказывала танкам. Однажды, во время зачистки города, один черный пехотинец спросил Эриксона, не обменяет ли он на день свою винтовку *Гарланд/M1 Garand* на танковый пистолет-пулемёт *Томпсон/Thompson*. Эриксон согласился, и к концу дня солдат вернул ему *Томпсон* с тремя пустыми магазинами. Так продолжалось некоторое время, пока однажды пехотинец так и не появился. «Он был слишком честным парнем», — с сожалением говорил Эриксон. — Мы всегда прикрывали друг друга».

Танк М4А3-Е8 12-й Дивизии рядом с черными солдатами 66-го Полка Механизированной Пехоты, которые только что взяли в плен немца в городе Эрбах/Erbach

Немцы, почти не имея танков и практически без горючего к ним, всё больше полагались на *панцерфаусты*, которые далеко не всегда были эффективны. Один танк получил попадание прямо в передний угол корпуса, туда, где были сварены две бронеплиты. «Этот выстрел так и не пробил броню», вспоминал Эриксон. Однажды ночью немцы окопались на склоне холма и оттуда стреляли из *панцерфаустов*, пытаясь задержать стремительно идущие танки, но это не сработало. В одном из последних боёв рота Эриксона наткнулась на подразделение фанатично настроенных парней из [Гитлерюгенда](#). «Нам пришлось с боем прорываться через их позиции», — говорил он. Один из американских танков применил против них огнёмёт. «Они были совсем детьми, — вспоминал Эриксон, — но у каждого из них было оружие».

Крах немецкой армии

В конце апреля-начале мая немецкая армия начала разваливаться. Эриксон видел тысячи сдавшихся немцев, идущих на запад в лагеря для военнопленных. Он угощал их сигаретами и едой. «У них уже не было желания воевать», — рассказывал танкист. Дивизия освободила более 2 800 союзных военнопленных, включая 1 400 американцев. Эриксон вспоминал, как видел толпы освобождённых американцев, идущих по дорогам среди красивых сельских пейзажей. «Я тогда и не думал, что мы так близки к концу войны», — говорил он.

4 мая 12-я Танковая Дивизия была отведена в резерв. Это был её последний день войны. Четыре дня спустя танкисты узнали, что Германия капитулировала. «Все просто обезумели!» — вспоминал Эриксон, но праздновать было нечем. В конце концов Эриксону удалось раздобыть пятилитровое ведро картофельной водки. Солдаты быстро опустошили его. «На следующее утро на построении не появился ни один человек, — смеялся он. — Это было счастливое время». Когда Эриксон сдавал свой танк, в нём не было пистолета-пулемёта *Томпсон*, зато лежала винтовка того самого черного пехотинца. Никого это не волновало. «Мы праздновали», — говорил Эриксон. Эриксона назначили ответственным за дом, где размещались солдаты. Хозяйка дома выполняла обязанности горничной и уборщицы. Однажды двое его приятелей зарезали двух её кур. Разгневанная женщина стала жаловаться Эриксону, но он не понимал её языка. Чтобы загладить вину, он принёс ей из солдатской столовой банку молотого кофе. «Она была на седьмом небе от счастья!» — смеялся он.

Хотя война в Европе закончилась, Япония продолжала сражаться. 12-ю Дивизию отобрали для участия во вторжении на Японские острова. Эриксон и его экипаж отплыли из Франции на судне типа *Liberty* в США, но на полпути через Атлантику они узнали, что на Хиросиму, а затем на Нагасаки сбросили атомную бомбу. Наконец, 10 августа солдаты узнали, что Япония капитулировала. Война закончилась. Эриксон провёл обратный путь, играя в карты и кости. «Когда я покидал Европу, у меня в кармане было 1 400 долларов, — вспоминал он. — Когда мы прибыли в Нью-Йорк, у меня не осталось ничего». Это был последний раз в его жизни, когда он играл в азартные игры. Когда судно, на котором находился танкист, подходило к Нью-Йорку, он три часа подряд стоял на палубе и смотрел, как *Статуя Свободы* заполняет весь горизонт. После швартовки солдаты сошли на берег и были направлены в лагерь *Shanks*, где их накормили стейками. «Это был самый вкусный стейк в моей жизни», — вспоминал он. Вскоре Эриксон сел на поезд до Филадельфии, затем пересел на состав, идущий в Сент-Луис, а оттуда — в Спенсер/Sprenger, штат Айова. Когда поезд приближался к конечной станции, Эриксон разрыдался, но решил, что не хочет быть плаксой, и сдержался. Рут, отец и сёстры ждали его, когда он сходил из пассажирского вагона. Эриксон был дома.

Через месяц после возвращения Эриксон женился на Рут. У них родились пять сыновей и одна дочь. Один из сыновей, Дэвид, служил в ВВС США во Вьетнаме, где загружал на самолёты химические боеприпасы *Agent Orange*. Позже он умер от рака, скорее всего связанного с этим периодом в его жизни...

Вскоре после возвращения с войны Эриксон воспользовался льготами системы *GI Bill*, чтобы освоить профессию станочника, и устроился работать в кузницу. В 1960 году он купил собственную мастерскую в Альберт-Сити, штат Айова. Позднее он продал её своим сыновьям и приобрёл дилерский центр компании *John Deere* в Монтане, которым владел пять лет, прежде чем вернуться в Айову, где проработал в сварочной мастерской до выхода на пенсию.

Эриксон долгое время вообще не говорил о войне, пока один из его уже взрослых сыновей не попросил его рассказать школьному классу о своём военном опыте. Это было тяжело, но Эриксон посмотрел в лицо своему прошлому и рассказал ученикам об ужасах ВМВ. С тех пор ему стало легче говорить о войне, хотя он не всегда может вспомнить все детали... В конце 1990-х годов Эриксон посетил Мемориальный музей 12-й Танковой Дивизии в городе Абилине/Abilene, штат Техас. Он провёл в нем три часа, осматривая экспонаты и информационные стенды, а затем вошёл в зал Холокоста. «Меня это просто потрясло, - вспоминал он. - Я словно вновь чувствовал этот запах, хотя понимал, что он существует только в моей голове». Война, казалось бы, давно ушедшая в прошлое, снова ощущалась пугающе близкой. Запах мёртвых тел всё ещё стоял у него в ноздрях...

<https://warfarehistorynetwork.com/article/a-sergeant-in-the-12th-armored-division/>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник с использованием ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org